ISSN 2181-9505
Doi Journal 10.26739/181-9505

Philosophy and Life

FALSAFA VA HAYOT • ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

2026 №3 (34)

ISSN 2181-9505
Doi Journal 10.26739/2181-9505

Mirzo Ulug'bek nomidagi O‘zbekiston Milliy Universiteti

O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi
Imom Buxoriy xalqaro ilmiy-tadqiqot markazi
O‘zbekiston falsafa jamiyati

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Международный научно-исследовательский центр Имам Бухари
при Кабинете Министров Республики Узбекистан
Философское общество Узбекистана

The National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Imam Bukhari International Research Center under the Cabinet of Ministers
of the Republic of Uzbekistan
Philosophical Society of Uzbekistan

FALSAFA VA HAYOT
XALQARO JURNAL

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

PHILOSOPHY AND LIFE
INTERNATIONAL JOURNAL

2026 №3 (34)

Jurnal bir yilda 4 marta nashr qilinadi.
Журнал выходит 4 раза в год.
The journal is published 4 times in a year.

Toshkent

“Falsafa va hayot” xalqaro jurnal, “Философия и жизнь” международный журнал, “Philosophy and Life” international journal

Tahrir kengashi

Abdildina Raushan – Qozog‘iston Respublikasi Milliy fanlar akademiyasi akademigi, falsafa fanlari doktori, professor (Qozog‘iston)

Botukanova Gulmira – Qirg‘iziston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Milliy fanlar akademiyasining vitse-prezidenti falsafa fanlari doktori, professor, (Qirg‘iziston)

Mamedzade Ilham – Azarbayjon Milliy fanlar akademiyasi Falsafa va sotsiologiya instituti direktori, falsafa fanlari doktori, professor (Azarbayjon)

Skarantino Luka Mariya – Bari universiteti professori, falsafa fanlari doctori, Jahon falsafa jamiyatlari federatsiyasi boshqaruvi a’zosi (Italiya)

Smirnov Andrey – Rossiya Federatsiyasi FA akademigi, Rossiya falsafa jamiyati prezidenti, falsafa fanlari doktori, professor (Rossiya Federatsiyasi)

Seytaxmedova Natal’ya – Qozog‘iston milliy fanlar akademiyasi akademigi, falsafa fanlari doktori, professor (Qozog‘iston)

Tsuy Veyxan – Xitoy ijtimoiy fanlar Akademiyasi vitse-prezidenti, DSc, professor, (Xitoy Xalq Respublikasi)

Chumakov, Aleksandr – M.Lomonosov nomidagi Moskva davlat universiteti professori, falsafa fanlari doktori, (Rossiya Federatsiyasi)

Muassislar:

Mirzo Ulug‘bek nomidagi O‘zbekiston Milliy universiteti

O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Imom Buxoriy xalqaro ilmiy - tadqiqot markazi

O‘zbekiston falsafa jamiyati

Expert lawyers MCHJ Elc.uz

Ro‘yxatga olinganligi haqidagi 1175 sonli guvohnoma O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 20.02.2018 yilda berilgan.

Bosh muharrir:

Shermuxamedova Niginaxon – f.f.d., professor (O‘zbekiston)

Bosh muharrir o‘rinbosari:

Aslanova Rabiyat – f. f. d, professor (Azarbayjon)

Mas’ul muharrir:

Muhamedova Zamira – f.f.d., professor (O‘zbekiston)

Tahrir hay’ati:

Allahyarova Tahira – f.f.d., professor (Azarbayjon)

Andirjanova Gulnar – siyosiy fanlari doktori, professor (Qozog‘iston)

Abasov Ali – f.f.d., professor (Azarbayjon)

Axamer Gilbert – f.f.d., professor (Avstriya)

Buzarinejad Yahyo – f.f.d, professor (Eron)

Bilalov Mustafo – f.f.d., professor (Dog’iston, Rossiya Federatsiyasi)

Gabitov Tursin – f.f.d., professor (Qozog‘iston)

Gezalov Ariz – f.f.n., professor (Rossiya Federatsiyasi)

Kerimov Eyyub – f.f.d., professor (Azarbayjon)

Kurmangalieva Galiya – f.f.d., professor (Qozog‘iston)

Kurbonova Lola – falsafa fanlari doctori DSc, dotsent (O’zbekiston)

Lazarevich Anatoliy – f.f.n., dotsent (Belorus)

Olatunji Feliks – PhD, dotsent (Nigeriya)

Paxruddinov Shukriddin – siyosiy fanlari doktori professor (O‘zbekiston)

Pardayev Sultonmurod – falsafa doktori (PhD), (O‘zbekiston)

Sergeev Mixail – f.f.d., professor (AQSh)

Sagikizi Ayajan – f.f.d., professor (Qozog‘iston)

Tulenova Gulmira – f.f.d., professor (O‘zbekiston)

Tashdelen Vefa – f.f.d., professor (Turkiya)

Tyukmaeva Aida – falsafa doktori PhD (O‘zbekiston)

Hakimov Nazar – f.f.d., professor (O‘zbekiston)

Xudoydodzoda Farrux – f.f.d., professor (Tojikiston)

Xudoyberganov Rovshan – f.f.d., (DSc) professor (O‘zbekiston)

Mahmadizoda Nozim – f.f.d., professor (Tojikiston)

Naushabayeva Asem – falsafa doktori (PhD), professor (Turkiya)

Urmanbetova Jildiz – f.f.d., professor (Qirg‘iziston)

Baychun Chjan – f.f.d., professor (Xitoy)

Sharipova Erkayim – f.f.d., professor (Qirg‘iziston)

Ilmiy kotib:

Xidirov Mustafo – falsafa fanlari doktori (DSc), dotsent (O‘zbekiston)

Musahhihlar:

Qodirov Javlon – (O‘zbekiston)

Po‘latov Anvar – (O‘zbekiston)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВА

Аллабердиева Ляле Агагелдиевна	ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЕРИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА МАМУНИДОВ В ХОРЕЗМЕ	9-23
Факунле, О.А., Раифу, И.О., Адедире, А.А.	ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА ТРАДИЦИОННОЙ ТКАНИ АСО-ОКЕ В ГОРОДЕ ИСЕЙИН НА ЮГО-ЗАПАДЕ НИГЕРИИ	24-42
Мирзарахимов Бахтиёр Хошимович	АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТУРИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	43-54
Касымова Назира Омуркуловна	РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ	55-65

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУК

Аннагулыева Марал Мухаммедовна	ХАЛК МАСЛАХАТЫ КАК ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	66-83
Камилов Даврон Зафарович	ФЕНОМЕН ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СИНКРЕТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ	84-95
Саифназаров Исмаил	СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	96-116
Хайдарова Акида Хуррамовна	К ОТБОР ЗНАНИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ	117-124

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Соломон Колаволе Аве, Олувасеун Опейеми Джемилехин	КАНТОВСКОЕ УВАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА КАК ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ	125-145
Майкл Олатунджи Они	САРТРОВСКИЙ ГУМАНИЗМ КАК ИМПЕРАТИВ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕАЛОВ В АФРИКЕ	146-157

МИРОВАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ

Джимо, Олумуива Вахаб	НЕОБХОДИМОСТЬ НРАВСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА	158-179

УДК: 930.2:94(575.1)
10.5281/zenodo.23658315

Аллабердиева Ляле Агагелдиевна
Преподаватель, соискатель
Кафедра истории Туркменистана и методики её преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди;
Педагогическое училище имени Хыдыра Дерьяева.
e-mail: hdmmylym@gmail.com
(Мары, Туркменистан)

ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЕРИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА МАМУНИДОВ В ХОРЕЗМЕ

Аннотация. Письменные, нумизматические и поэтические источники содержат ценные сведения о политической истории и внешнеполитическом положении государства Мамунидов в Хорезме в 995–1017 гг. Их сопоставление позволяет уточнить характер власти хорезмшахов, особенности отношений с Газневидами и обстоятельства завоевания Хорезма в 1017 г. Однако идеологическая направленность газневидских хроник и зависимость позднейших компиляций от предшествующей повествовательной традиции затрудняют объективную оценку политического статуса Мамунидов. В связи с этим в статье рассматриваются особенности содержания, авторской позиции и достоверности сообщений Утби, Гардизи, Байхаки, Ибн ал-Асира и ан-Нувайри. Посредством сопоставления сведений о халифской инвеституре с легендами серебряных дирхемов Мамуна II, отчеканенных в 1014 г., проверяется обоснованность тезиса о вассальной зависимости Гурганджа от Махмуда Газневи. На основе сведений Бируни, сохранённых в труде Байхаки, раскрываются возможности использования свидетельств непосредственного участника политических и дипломатических процессов. Через критический анализ поэзии Абул Касима Унсури определяется её источниковедческая ценность для изучения военной тактики, топографии Хазараспского сражения и хозяйственного положения Хорезма накануне завоевания.

Ключевые слова: государство Мамунидов, Хорезм, Гургандж, Газневиды, верификация источников, нумизматика, Мамун II.

ВВЕДЕНИЕ

История Государства Мамунидов в Хорезме (995 – 1017 гг.) занимает особое место в средневековой истории Центральной Азии. Непродолжительный по хронологическим рамкам период правления династии Мамунидов ознаменовался не только экономическим и культурным расцветом региона, но и формированием уникального интеллектуального центра – «Академии Мамуна» в Гургандже (нынешний Куня-Ургенч). Однако социально-политическая история и внешнеполитический статус этого государства в первой четверти XI века традиционно рассматривались сквозь призму нарративов газневидских хронистов. Подобный «газневидоцентричный» подход в исторической науке привела к устойчивому воспроизведению тезиса о вассальной зависимости хорезмшахов от султана Махмуда Газневи. В этой связи переосмысление внешнеполитического статуса Мамунидов, деконструкция сложившихся историографических стереотипов и комплексный анализ способов легитимации власти хорезмшахов представляют собой актуальную научно-историческую задачу. Цель исследования заключается в критико-источниковедческом анализе комплекса письменных, нумизматических и поэтических источников для объективной реконструкции внешнеполитического статуса и суверенной политики государства Мамунидов накануне и в ходе событий 1017 года.

Научная новизна работы заключается в систематическом привлечении нумизматического материала и анализе поэтического наследия Унсури как полноценных источниковедческих контраргументов против тезиса о вассалитете Мамунидского государства, что позволяет выстроить сбалансированную и объективную картину хорезмско-газневидских отношений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковая база исследования имеет комплексный характер и включает три основных пласта: 1. Нарративные источники газневидского круга – сочинения Абу Насра Утби, Абу Саида Гардизи и Абул Фазля Байхаки, содержащие ценные хронологические данные и эксцерпции из утраченного труда Бируни «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм»; 2. Нумизматические памятники – корпус серебряных дирхемов чеканки Али ибн Мамуна и Мамуна II (1014 г.) с оригинальными монетными легендами; 3. Поэтические тексты – панегирические касыды придворного поэта Абул Касима Унсури, выступающие уникальным нарративным памятником о военной тактике, топографии и материальной культуре Хорезма.

Методология исследования базируется на принципах историзма, научной объективности и системности. В работе применены методы сравнительно-исторического и критико-текстологического анализа, метод нумизматической атрибуции, а также метод перекрестной верификации разнородных источников (нарративных, нумизматических и поэтических).

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Многовековое письменное наследие выдающихся мыслителей и хронистов прошлого образует фундаментальный источниковедческий базис для реконструкции исторической ретроспективы Туркменистана. Данные памятники представляют неоценимую значимость для философско-исторического анализа эволюции политических институтов, хозяйственных структур и духовной культуры региона. В контексте многовекового генезиса туркменской государственности особый научный интерес вызывает эпоха правления династии Мамунидов в Хорезме (995 – 1017 гг.). Ознаменовав собой ключевой этап формирования средневековых институтов власти, дипломатической традиции и масштабного социокультурного ренессанса, этот период выступает яркой страницей историко-культурного наследия. Комплексное и системное исследование истории Мамунидов на основе концептуального анализа репрезентативных письменных источников является важной задачей современной гуманитарной науки.

Исследование политической истории государства Хорезмшахов-Мамунидов сталкивается с проблемой существенной лакунарности нарративных памятников эпохи. Комплексная историческая реконструкция этого периода затруднена утратой ряда фундаментальных трудов, определявших средневековую хорезмскую историографическую традицию. Особую научную и источниковедческую ценность представляют два утраченных памятника, выступавших базисом для познания истории региона. Первым из них является сочинение выдающегося мыслителя Абу Рейхана Бируни «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» («Беседа относительно известий о Хорезме»), признанное ключевым нарративным истоком истории Средней Азии [Hatamow, J., Allaberdiýewa, L. 2024. c. 65]. Вторым важнейшим сочинением являлась «История Хорезма» Абу Мухаммада Махмуда ибн Мухаммада Ислами ал-Хорезми, заменявшая первоисточник для последующих составителей библиографических и историко-географических словарей. Несохранность данных фундаментальных трудов вынуждает исследователей прибегать к методу источниковедческой репозиции – анализу фрагментарных цитат, эксцерпций и рефлексий, сохранившихся в трудах позднейших авторов. Подобная дискретность источниковедческого фундамента актуализирует всесторонний герменевтический анализ косвенных свидетельств. В данном контексте ключевое значение приобретает наследие газневидской историографической школы – сочинения Мухаммада Утби, Абу Саида Гардизи и Абул Фазля Байхаки, репрезентирующие основной массив сведений о военно-политической активности Хорезмшахов.

Важнейшим нарративным источником по истории эпохи выступило наследие современника Мамунидов, видного придворного хрониста и высокого государственного сановника при дворе Махмуда Газневи – Абу Насра Мухаммада ибн Абд ал-Джаббар Утби (ум. 1036/1040 гг.). Служебная

деятельность Утби при дворах Саманидов, Зияридов и Газневидов обеспечила ему доступ к закрытым государственным архивам и дипломатической документации, что предопределило глубокий аналитический уровень его наблюдений. В фундаментальном арабоязычном труде «История султана Махмуда Газневи» («Тарих ал-Йамини»), охватывающем события до 1021 года [Utby Muhammet, 2005. с. 290], автор зафиксировал ценные сведения о внешней политике Хорезма. Перевод данного памятника письменности с арабского на туркменский язык, осуществленный А. Сарыевым в 2005 году, существенно расширил источниковедческую базу исследования, позволив верифицировать ключевые факты и концептуализировать слабоосвещенные аспекты политической истории государства Мамунидов.

Синхронность жизни Утби эпохе Мамунидов и его высокий государственный статус при дворе Газневидов позволяют верифицировать его нарратив как репрезентативный и высокой степени достоверности. Вместе с тем критика данного источника выявляет характерную тенденциозность при освещении хорезмской проблематики. Автор проявлял исследовательский интерес к истории Мамунидов исключительно сквозь призму газневидских геополитических интересов. Так, Утби с высокой степенью детализации и экспрессии фиксирует матримониальные альянсы хорезмшаха Али и его преемника Мамуна II с домом султана Махмуда Газневи. В то же время заговор против хорезмшаха Мамуна I, не затрагивавший напрямую газневидский двор, упоминается им лишь в контексте одной лапидарной фразы. Данная избирательность обусловлена династическим провиденциализмом Утби: его ключевой задачей выступала апология личности Махмуда Газневи и концептуализация его военно-политических триумфов. Доминирование газневидоцентричного подхода привело к образованию существенных историографических лакун в реконструкции внутренней политики государства Мамунидов.

В источниковедческом анализе истории Мамунидов принципиальное значение имеет фактор субъективности (тенденциозности) нарратива Утби. Падение Государства Мамунидов стало прямым следствием газневидской интервенции 1017 года, что предопределило апологетическую позицию хрониста, отражавшего геополитические притязания двора Газневидов. Данное обстоятельство актуализирует критико-герменевтический подход к тексту Утби и необходимость его компаративного сопоставления с альтернативными источниками. Границы объективности Утби жестко очерчены его династической лояльностью. Характерным примером выступает пассаж, посвященный брачной дипломатии между Мамунидами и Себуктегинидами, где автор эксплицитно конструирует модель вассальной подчиненности Хорезма: «Абул-Хасан Али ибн Мамун унаследовал владение от своего отца Мамуна. Он расширил пределы своего государства до Джурджании. Желая обрести надежную опору и скрепить династический союз, он отдал одну из своих сестер в жены султану Йамин ад-Даула ва Амин

ал-Милла [Махмуду Газневи]. Он отправил ее с великим торжеством, благодаря чему оба государства стали словно единым целым... Эмир Абул-Аббас Мамун ибн Мамун унаследовал престол брата. Еще при жизни Абул-Хасан выражал глубокую преданность султану и просил оказать честь – отдать сестру султана за его брата. Султан благосклонно принял это предложение в знак признания его верной службы» [Utby Muhammet, 2005. с. 253].

Текстологический анализ фрагмента выявляет намеренную гиперболизацию иерархического статуса Махмуда Газневи. Утби интерпретирует династические браки не как инструмент равноправной паритетной дипломатии двух суверенных держав, а как вассально-сюзеренные отношения. Однако данные эпиграфики и нумизматики полностью дезавуируют концепцию Утби. Ни на одном из серебряных дирхемов эпохи Али ибн Мамуна не зафиксированы вассальные инвокации или символы подчинения Газневидам. Напротив, монетная легенда хорезмских дирхемов содержит исключительно имя Али ибн Мамуна и имя багдадского халифа Ахмад ал-Кадир Биллах (991 – 1031). Более того, на монетах чеканился пышный суверенный титул «Тадж ал-Умма, Сирадж ал-Милла Хорезмшах» («Венец [мусульманской] общины, Светило веры, Хорезмшах») [Ismoilov, Sh. 2025. с. 61], что служит неопровержимым доказательством абсолютного политического суверенитета Али ибн Мамуна.

Другим репрезентативным нарративным источником эпохи выступает наследие Абу Саида Гардизи (ум. 1061 г.) – газневидского сановника и хрониста, синхронного эпохе Мамунидов. Будучи очевидцем военно-политических процессов периода правления султана Махмуда Газневи (998 – 1030 гг.), Гардизи довел повествование в своем фундаментальном труде «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») до 1041 года [Абу Са’ид Гардизи. 1991. с. 6]. Несмотря на лапидарность и компактность изложения, историографический нарратив Гардизи демонстрирует более высокий уровень объективизма и беспристрастности в сопоставлении с апологетическим характером сочинения Утби.

Нарратив Гардизи обладает исключительной репрезентативностью в аспекте верификации хронологии матримониальных альянсов между домами Мамунидов и Себуктегинидов. Хронист фиксирует прибытие в Газну в 406 г. х. (1015/1016 гг. н. э.) чрезвычайной дипломатической миссии от хорезмшаха Мамуна II с официальным предложением о заключении династического брака с сестрой султана Махмуда. Таким образом, труд Гардизи выступает первичным верифицирующим истоком, определяющим реперную дату (406 г. х.) возобновления механизмов брачной дипломатии между двумя державами. При реконструкции военно-политического кризиса 1017 года Гардизи демонстрирует высокий уровень просопографической и топонимической точности: им атрибутированы имена ключевых коммандерско-генеральских кадров противоборствующих сторон, установлена строгая темпоральная последовательность операции и

локализованы театры военных действий. Обоснованность и достоверность приведенного фактологического материала обусловлены автопсией – личным участием Гардизи в военно-административных мероприятиях султана Махмуда, включая хорезмскую кампанию 1017 года [Абу Са'ид Гардизи. 1991. с. 7].

Первостепенным памятником средневековой историографии, синхронным эпохе Мамунидов и освещающим правление султана Махмуда Газневи и его преемника Масуда, выступает фундаментальный труд Абул Фазля Байхаки (ум. 1077 г.). Начиная с 1021 года, Байхаки находился на государственной службе в высшем эшелоне газневидской административной системы, занимая пост в ведомстве государственных бумаг (диван ал-инша). Сохранившийся корпус его грандиозного сочинения, вошедший в научный оборот как «История Масуда» («Тарих-и Мас'уди»), содержит скрупулезную наррацию событий 1030–1041 годов. Высочайшая репрезентативность этого памятника признана классической историографией: академик В. В. Бартольд характеризовал «Историю Масуда» как наиболее совершенный, достоверный и методически выдержанный источник среди всех мусульманских письменных памятников средневековья [Бартольд, В.В. 1963. с. 67].

Источниковедческий базис нарратива Байхаки по исследуемой проблематике покоится на двух фундаментальных основаниях. Во-первых, автор выступает в качестве непосредственного систематизатора собственных наблюдений и архивных материалов. Во-вторых, Байхаки связывала тесная интеллектуальная дружба с Бируни, перемещенным после событий 1017 года в Газну, где ученый-энциклопедист продолжал свои изыскания. В результате этого творческого взаимодействия Байхаки интегрировал в свой труд уникальные данные из утраченного сочинения Бируни «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» («Беседа относительно известий о Хорезме»), репрезентируя его содержание для последующей историографической традиции. Примечательно, что Байхаки адаптирует название этого труда как «Знаменитые люди Хорезма» [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 808]. Таким образом, прямая апелляция к наследию Бируни и персональная коммуникация с ним позволяют интерпретировать нарратив Байхаки как аутентичное свидетельство, отражающее внутреннюю историческую память эпохи Мамунидов [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 45–46].

В фундаментальном фолианте Байхаки представлен специальный экскурс, посвященный хорезмской проблематике [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 805]. Анализ данного текстового массива позволяет провести его смысловую кластеризацию по следующим ключевым тематическим векторам:

Интеллектуальный паттронаж: характер взаимоотношений хорезмшаха Мамуна II с Бируни и содружеством ученых «Академии Мамуна» в Гургандже;

Персонология власти: психологический портрет и историко-политическая характеристика третьего представителя династии – хорезмшаха Мамуна II;

Геополитическая конфликтология: динамика внешнеполитических отношений Мамуна II с султаном Махмудом Газневи и детерминанты их межгосударственного противостояния;

– Кризис суверенитета и аннексия: цареубийство Мамуна II в ходе придворного заговора и последующая военная интервенция Махмуда Газневи в Хорезм под предлогом легитимации порядка.

Методологическая четкость и систематичность Байхаки существенно облегчают атрибуцию первоисточника сведений, интегрированных в его нарратив. Историографический парадокс заключается в том, что официальный газневидский хронист конструирует сюжет о мамунидо-газневидских отношениях на основе свидетельств Бируни – государственного деятеля хорезмского двора. Байхаки являлся придворным историографом Газневидов, тогда как Бируни на протяжении семи лет исполнял обязанности ближайшего советника (надима) хорезмшаха Мамуна II, став непосредственным свидетелем коллапса династии. На первый взгляд, фрагменты, введенные Байхаки со ссылкой на Бируни, репрезентируют аутентичный хорезмский (мамунидский) взгляд на события. Однако текстологический контекст требует существенной оговорки: свой труд «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» Бируни составлял уже после падения Гурганджа, находясь под патронажем и в подданстве султана Махмуда Газневи. Поскольку оригинал «Китаб ал-мусамара» полностью утрачен, он реконструируется исключительно на основе эксцерпций, сохраненных Байхаки. Критический анализ этих цитируемых фрагментов показывает, что Бируни сознательно элиминировал из своего текста критические пассажи и инвективы, способные вызвать недовольство газневидского суверена; не исключено также, что подобную цензурную селекцию при отборе выписок проводил сам Байхаки. В результате, несмотря на личную вовлеченность Бируни в события на стороне хорезмшаха, его свидетельства в значительной степени конвергируют с официальной газневидской концепцией. Проиллюстрируем данную источниковедческую коллизию на конкретных примерах из фрагментов Бируни, цитируемых Байхаки.

Первая иллюстрирующая эксцерпция: «…повелитель верующих ал-Кадир би-л-лах, да будет над ним милость Аллаха, прислал ему халат, жалованную грамоту, стяг и почетный титул Око державы и Краса мусульманской общины через Хусайна, начальника паломников в Мекку. Хорезмшах рассудил, что не следует, чтобы эмир Махмуд принял это за обиду, вступил бы в спор и говорил, зачем, дескать, он без моего посредства принял от халифа халат и пользуется такими щедротами и преимуществом. Во всяком случае ради соблюдения добрых отношений он послал меня встретить посла на полпути в пустыне. Я тайком принял от него щедрые

дары, доставил в Хорезм и вручил ему, а он велел их спрятать, дабы сохранить благоприятное положение» [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 809].

Нарративный анализ данного пассажа показывает: несмотря на то что верховный институциональный легитиматор – аббасидский халиф ал-Кадир – напрямую санкционировал суверенный статус Мамуна II, автор конструирует образ хорезмшаха как вассально зависимого правителя, опасающегося экспансионистского демарша Махмуда Газневи. Главным нарративным аргументом в пользу этой вассальной детерминации выступает сюжет о вынужденной конфиденциальности при получении и сокрытии аббасидской инвеституры.

Второй, еще более экспрессивный иллюстративный пассаж демонстрирует глубокую степень нарративного конструирования вассальной зависимости: «Во всех делах Абу-л-Аббас держал сторону эмира Махмуда и до чрезвычайности соблюдал вежливую скромность настолько, что когда сидел за вином, то в тот день призывал самых именитых родичей, свитских, надимов и царевичей Саманидов, которые находились при его дворе, и прочих, приказывал с почестями привести и усадить послов, прибывших с разных сторон. Когда он брал в руки третью чашу, он вставал, поминал эмира Махмуда и снова садился. Все люди стояли на ногах, каждого он жаловал отдельно, а они лобызали землю и продолжали стоять, покамест он кончил со всеми. Тогда он давал знак садиться. Появлялся служитель и следом за ним доставляли вознаграждение музыкантам и певцам: каждому дорогого коня, одеяния и кошелек, а в нем две тысячи дирамов» [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 808–809].

Нарратив Байхаки моделирует сцену, где хорезмшах Мамун II самоопределяется как провинциальный вассал Газневидов, гиперболизируя культ личности Махмуда Газневи во время официальных дипломатических приемов и меджлисов. Таким образом, в текстовой концепции Байхаки (восходящей к текстам Бируни газневидского периода) Мамун II репрезентируется в качестве верного и полностью подчиненного вассала султана Махмуда. По аналогии с ранее приведенной нумизматической аргументацией относительно периода правления Али ибн Мамуна, для концептуализации принципа суверенитета Мамунидов необходимо обратиться к монетной регалии эпохи Мамуна II. Нумизматический анализ памятников исследуемого периода дезавуирует нарративные данные Байхаки, выявляя совершенно иную источниковедческую реальность. Аттрибуция и текстологический анализ серебряных дирхемов 1014 года чеканки (эпоха хорезмшаха Мамуна II) свидетельствуют: пожалованный халифом ал-Кадиром Биллахом высокий инвеституpный титул «Айн ад-Даула ва Зайн ал-Милла» («Око Державы и Украшение Общины») вопреки утверждениям о его конфиденциальности легально и публично чеканился в монетных легендах [Ismoilov, Sh. 2025. с. 62].

На средневековом Востоке право чеканки монеты (зикка) выступало фундаментальным атрибутом государственного суверенитета и политической

автокефальности. Монопольное право эмиссии серебряных дирхемов принадлежало исключительно независимым политиям. Фиксация халифского титула на хорезмских дирхемах выступает весомым нумизматическим доказательством полноты институциональной независимости Мамуна II от двора Махмуда Газневи и прямым подтверждением признания Мамунидского государства Багдадским халифатом. Легитимация халифской инвеституры посредством монетных легенд имела первостепенное репрезентативно-пропагандистское значение, выступая несущей конструкцией государственно-политической идеологии Хорезма.

В процессе обнаруженного источниковедческого диссонанса данный нарративный сюжет допускает двухвариантную критическую интерпретацию:

1. Автоциркулярная адаптация Бируни: автор «Китаб ал-мусамара», находясь в газневидской историографической среде, сознательно инкорпорировал в сюжет о халифской инвеституре апокрифические элементы, чтобы нивелировать суверенный демарш Мамуна II в глазах султана Махмуда.

2. Редакционная интерполяция Байхаки: при эксцерпировании фрагментов из труда Бируни Абул Фазл Байхаки подверг первоисточник направленной редакции, интегрировав тенденциозные вставки в пользу газневидской легитимационной концепции. При перекрестном анализе нарратива Байхаки особое внимание привлекает косвенный сюжет, деконструирующий тезис о вассалитете Мамуна II и подтверждающий суверенный статус хорезмшаха. Султан Махмуд Газневи предпринимал последовательные военно-дипломатические демарши, направленные на нивелирование суверенитета Хорезмского государства. В частности, через своего визиря Ахмада Майманди султан ультимативно потребовал от посла Мамуна II введения проповеди (хутбы) с упоминанием газневидского суверена во всех мечетях Хорезма. Байхаки детально фиксирует острокритическую реакцию хорезмской военно-политической элиты на данную экспансионистскую претензию: «Поэтому он собрал войсковую старшину вместе с предводителями ра'ийатов и объявил, что хочет сделать по поводу хутбы… Все зашумели, заявили, что мы-де никак не согласны, вышли наружу, развернули значки, обнажили оружие и начали поносить хорезмшаха непристойно» [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 813].

Наличие столь радикальной антигазневидской оппозиции внутри военной элиты (кетхудаев и военачальников) делает историографическую версию о публичном почитании Махмуда Газневи при дворе хорезмшаха абсолютно нерелевантной и исторически несостоятельной. Данный тезис коррелирует со сведениями Утби, который также отмечает, что высший сановничий аппарат и генералитет Хорезма прямо угрожали Мамуну II низложением в случае его вассальной уступки Газневидам, полностью игнорируя силовые ультиматумы султана Махмуда [Utby Muhammet. 2005. с. 253–254]. Все представители газневидской придворной историографической

школы единодушно возлагают ответственность за падение государства Мамунидов на «алчный и мятежный» военачальнический корпус. Легитимируя весь спектр экспансионистских актов султана Махмуда по аннексии Хорезма, официозные хронисты конструируют нарративный образ султана как «бескорыстного избавителя», движимого исключительно стремлением отомстить за гибель своего зятя и восстановить правопорядок в регионе. В текстах Утби, Гардизи и Байхаки завоевательная военная кампания Газневидов против Хорезма подвергается всесторонней апологии и институциональной легитимации. В этой связи фактологический пласт, транслируемый газневидскими придворными хронистами относительно Мамунидского государства, требует критико-источниковедческой деконструкции, внешней и внутренней верификации, а также обязательной корреляции с нумизматическими памятниками. В данном историографическом контексте особый научно-методологический интерес представляет нумизматическое исследование Ш. Исмаилова, охватывающее корпус монетных эмиссий Хорезма VIII – начала XIII вв. Результаты этого источниковедческого анализа дают репрезентативный материал, имеющий фундаментальное значение для объективной реконструкции политической истории и суверенного статуса государства Мамунидов [Ismailov, Sh.Z. 2024.]. В корпусе нарративных памятников по истории Хорезма особый научный интерес представляет поэтическое наследие придворного поэта Абул Касима Унсури (970/980 – 1039/1040 гг.) – непосредственного очевидца описываемой эпохи. Репрезентативность касыд Унсури в качестве историко-документального источника неоднократно акцентировалась в историографии. Несмотря на то, что военные кампании Махмуда Газневи широко освещены в арабо- и персоязычной хронистике, именно поэтический нарратив Унсури содержит наиболее экспрессивные, аутентичные детали: конкретную маршрутизацию походов, специфику вооружения, дислокацию и боевой порядок войск, а также номенклатуру военной трофейности.

Находясь в статусе придворного поэта и постоянного спутника султана Махмуда, Унсури лично участвовал в его военных операциях. Обладатель высочайшего титула «царь поэтов» (малик аш-шу’ара), он запечатлел ключевые этапы центрального военно-политического конфликта первой четверти XI века – хорезмской кампании Газневидов 1017 года – в ряде своих панегирических касыд. Достоверность поэтического свидетельства Унсури подтверждал и Абул Фазл Байхаки, настоятельно рекомендовавший обращаться к его касыдам для верификации деталей битвы за Хорезм, «поскольку в них все происшедшее зафиксировано с предельной точностью» [Абу-л-Фазл Байхаки. 1969. с. 820]. Высокую источниковедческую ценность касыд Унсури особо отмечал и выдающийся востоковед Е. Э. Бертельс [Бертельс, Е.Э. 1962. с. 309]. Одна из ключевых касыд Унсури, посвященная хорезмской кампании Газневидов, насчитывает 162 бейта и представляет собой поэтическую хронику: в строгой хронологической последовательности поэт воссоздает жизнеописание Махмуда Газневи, от его юношеских лет и

восхождения на престол до масштабных военных экспансий. Структурный блок касыды с 104 по 121 бейт целиком отведен поэтическому описанию генерального сражения между войсками Хорезма и Газневидов. Отдавая дань воинской доблести и ментальному истоку стойкости хорезмийцев, Унсури поэтизирует их образ:

«105. В бою с войском хорезмцев, которые говорили: «Тело и природа наша в безопасности от слабости и назиданий».

106. Их режущий меч, ты сказал бы, не ...

107. Все они с печенью, как земля, и терпением, как горы, и мечом, как молния, несущиеся, как небосвод, и имеющие коней быстрых,ткак туча,

108. Дружные с осторожностью, но в натиске – враги благоразумия, с правильным решением, дельные и сановитые…» [Бертельс, Е.Э. 1988. с. 76–77]. Поэт приводит точную топографическую привязку театра военных действий, указывая, что решающее столкновение развернулось на «равнине между Хазараспом и Сандиваром (Садваром)» [Бертельс, Е.Э. 1988. с. 76]. Важнейшим уникальным военно-историческим фактом, зафиксированным в касыде, выступает применение Махмудом Газневи элефантерии (боевых слонов) в условиях хорезмского ландшафта. Унсури метафорически характеризует этот корпус как «тысячи свирепых слонов». Ввод индийского элефантерийского контингента в структуру боевого порядка стал ключевым тактическим фактором, вызвавшим дезорганизацию в рядах хорезмских войск. Примечательно, что касыда Унсури остаётся единственным историческим памятником, транслирующим сведение об использовании боевых слонов в хорезмском походе султана Махмуда. Данный источниковедческий факт служит дополнительным верификатором того, что кампания против Хорезма расценивалась газневидским командованием как предельно сложная и рискованная военно-политическая задача.

Текстологический анализ касыды Унсури предоставляет репрезентативные данные, подтверждающие высокий уровень социально-экономического развития и процветания Хорезмского государства эпохи Мамунидов. Поэт поэтизирует колоссальные масштабы военных трофеев, изъятых султаном Махмудом из казны хорезмшаха. С целью публичной демонстрации мощи и триумфа эти богатства были экспонированы в балхском дворце Газневидов, после чего убранство резиденции приобрело утонченное великолепие, сравнимое с «берберской куклой». Унсури особо акцентирует, что раритеты и драгоценности из сокровищницы Гурганджа превосходили даже роскошь Багдада, а захваченный шелковый текстиль по качеству опережал знаменитые мануфактуры Шуштара; количество же яхонтовых ожерелий и сосудов с благовониями (мускусом и амброй) не поддавалось исчислению.

«118. А той добычи, которую привез государь Аджама, никто незнает, наверное, кроме бога справедливого.

119. Сложил он все сразу в Балхе, чтобы все видели, дворец стал от нее словно берберская кукла.

120. От красок и ароматов мутилось око разума, так много было нитей яхонтов и яиц из амбры.

121. Столько редкостей не везут и из Багдада, столько парчи не происходит и из Шуштара» [Бертельс, Е.Э. 1988. с. 77].

Данный источниковедческий пласт свидетельствует: вплоть до военно-политического кризиса 1017 года Мамунидское государство являлось крупнейшим центром транзитной международной торговли, высокоразвитого ремесла и материального благосостояния. Кроме того, поэтическое наследие Унсури включает компактную касыду из 35 бейтов, целиком сфокусированную на Хазараспской битве 1017 года. Анализируя структуру данного произведения, академик Е. Э. Бертельс метафорически сравнил его с динамичной батальной миниатюрой, с детальной точностью и поэтической последовательностью воссоздающей фазы генерального сражения [Бертельс, Е.Э. 1988. с. 87–88].

Фактологические данные по политической истории государства Мамунидов представлены и в поздней арабоязычной компилятивной традиции – в частности, в энциклопедических сводах «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории») Ибн ал-Асира (ум. 630/1233) и «Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб» («Предел желания в науках словесности») Шихаб ад-Дина ан-Нувайри (ум. 733/1333). Однако источниковедческий потенциал этих многотомных компиляций оказывается весьма ограниченным. Текстологический анализ показывает, что нарративы Ибн ал-Асира и ан-Нувайри не содержат оригинальных сведений по хорезмской проблематике, вторичны по своей природе и вторично транслируют официальную концепцию газневидских хронистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный комплексный источниковедческий анализ позволяет сформулировать следующие концептуальные выводы:

1. Контекстуальные особенности газневидского нарратива: Непреходящая фактологическая ценность сочинений нарраторов-современников (Утби, Гардизи, Байхаки) в отношении хронологии и топографии нивелируется выраженной предвзятостью газневидской историографической школы. Их тексты подчинены задаче институциональной легитимации аннексии Хорезма 1017 г. и конструированию искусственного мифа о вассалитете Мамунидов под предлогом «восстановления порядка».

2. Нумизматическая верификация суверенитета: Данные монетных эмиссий (серебряных дирхемов эпохи Али ибн Мамуна и Мамуна II) с публичной чеканкой халифских титулов («Айн ад-Даула ва Зайн ал-Милла») дезавуируют тезис о вассальной зависимости Гурганджа, выступая прямым вещественным доказательством институциональной независимости и автокефальности Мамунидского государства.

3. Источниковедческий статус наследия Бируни: Непосредственное участие Бируни в государственном управлении Мамунидов в качестве надима и дипломата существенно повышает источниковедческий потенциал цитируемых Байхаки фрагментов из утраченного труда «Китаб ал-мусамара», несмотря на их последующую газневидскую редакцию.

4. Историко-документальная репрезентативность поэзии Унсури: Панегирические касыды Абул Касима Унсури выступают уникальным историческим памятником, фиксирующим не только специфику военной тактики и топографию Хазараспской битвы 1017 г., но и масштабы экономического и ремесленного потенциала Хорезма перед газневидским завоеванием.

5. Компилятивный характер поздней традиции: Многотомные своды XIII–XIV вв. (Ибн ал-Асир, ан-Нувайри) лишены первоисточникового статуса по хорезмской проблематике, поскольку представляют собой вторичную трансляцию идеологически обработанной газневидской концепции.

В итоге, адекватная реконструкция политической истории и внешнеполитического статуса государства Мамунидов возможна лишь на основе деконструкции традиционной газневидской историографии и перекрестного синтеза письменных нарративов с памятниками нумизматики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Hatamow. J., Allaberdiýewa. L. (2024). Demirgazyk Türkmenistanyň taryhyny öwrenmekde Birunynyň döredijiliginiň ähmiýeti. // Bütindünýä ylmynyň ösüşinde Abu Reýhan Birunynyň ylmy mirasynyň orny. Ylmy makalalar ýygyndysy – Aşgabat: Ylym, S. 90 – 102.

2. Ismailov. Sh.Z. (2024). VIII – XIII asrlarda Xorazmshohlar tangalari. PhD dissertatsiyasi. – Urganch, – 51 b.

3. Ismoilov. Sh. (2025). Xorazmshohlar davri tangalari (VIII – XIII asr boshlarida) [Matn] / Sh.Ismoilov. – Buxoro: Sadriddin Salim Buxoriy, – 236 b.

4. Utby Muhammet. (2005). Soltan Mahmyt Gaznalynyň taryhy. – Aşgabat: Miras, – 344 s.

5. Абу Са'ид Гардизи. (1991). Зайн ал-Ахбар. – Ташкент: Фан, – 146 с.

6. Абу-л-Фазл Байхаки. (1969). История Масуда (1030 – 1041). Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К.Арендса. Издание 2-е, дополненное. – Москва: Наука, – 1008 с.

7. Бартольд. В.В. (1963). Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, Т. I. – Москва: Издательство восточной литературы, – 759 с.

8. Бертельс. Е.Э. (1988). Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. – Москва: Наука, – 557 с.

9. Бертельс. Е.Э. (1962). Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. – Москва: Издательство восточной литературы, – 555 с.

TRANSLITERATION

1. Hatamov, J., & Allaberdiyeva, L. (2024). The importance of Biruni's works in studying the history of Northern Turkmenistan. In The role of Abu Rayhan Biruni's scientific heritage in the development of world science. Collection of scientific articles (pp. 90–102). Ashgabat: Ylym.
2. Ismailov, Sh.Z. (2024). Coins of the Khwarazmshahs in the 8th–13th centuries (PhD dissertation). Urgench, 51 p.
3. Ismoilov, Sh. (2025). Coins of the Khwarazmshah period (8th – early 13th centuries). Bukhara: Sadriddin Salim Buxoriy, 236 p.
4. Utbi, Muhammad. (2005). History of Sultan Mahmud Ghaznavi. Ashgabat: Miras, 344 p.
5. Gardizi, Abu Sa'id. (1991). Zayn al-Akhbar (Decoration of Histories). Tashkent: Fan, 146 p.
6. Bayhaqi, Abu-l-Fazl. (1969). The History of Mas'ud (1030–1041). Translated from Persian with introduction, commentary, and appendices by A.K. Arends (2nd ed.). Moscow: Nauka, 1008 p.
7. Barthold, V.V. (1963). Turkestan down to the Mongol Invasion. Collected Works, Vol. I. Moscow: Publisher of Oriental Literature, 759 p.
8. Bertels, E.E. (1988). Selected Works. History of Literature and Culture of Iran. Moscow: Nauka, 557 p.
9. Bertels, E.E. (1962). Selected Works. History of Persian-Tajik Literature. Moscow: Publisher of Oriental Literature, 555 p.

Allaberdiyeva Läle Agageldiýewna
o'qituvchi, izlanuvchi
Seýitnazar Seýdi nomidagi Turkman davlat pedagogika institutining Turkmaniston tarixi va uni o'qitish metodikasi kafedrasi;
Xydyr Deryáyev nomidagi Pedagogika maktabi
e-mail: hdmmylym@gmail.com
(Turkmaniston, Mary)

XORAZMDAGI MAMUNIYLAR DAVLATINING SIYOSIY TARIXIGA OID MANBALAR TAVSIFI VA VERIFIKATSIYASI

Annotatsiya. Yozma, numizmatik va she'riy manbalar Xorazmdagi Ma'muniylar davlatining 995–1017-yillardagi siyosiy tarixi hamda tashqi siyosiy mavqeyi haqida qimmatli ma'lumotlarni qamrab oladi. Ularni o'zaro qiyoslash xorazmshohlar hokimiyatining xususiyatlari, G'aznaviylar bilan munosabatlari va Xorazmning 1017-yilda bosib olinishi bilan bog'liq voqealarni aniqlashtirish imkonini beradi. Ammo g'aznaviylar davri solnomalarining mafkuraviy yo'naltirilganligi va keyingi jamlanma asarlarning avvalgi bayonchilik an'analariga bog'liqligi Ma'muniylarning siyosiy maqomini xolis baholashni qiyinlashtiradi. Shu munosabat bilan maqolada Utbiy, Gardiziy, Bayhaqiy, Ibn al-Asir va an-Nuvayriy ma'lumotlarining mazmuni, mualliflik yondashuvi hamda ishonchlilik darajasi tahlil qilinadi. Xalifaning hukmdor hokimiyatini rasman

e’tirof etishiga oid xabarlar Ma’mun II ning 1014-yilda zarb etilgan kumush dirhamlaridagi yozuvlar bilan qiyoslanib, Gurganjning Mahmud G‘aznaviyga vassal qaramligi haqidagi qarashning asosliligi tekshiriladi. Bayhaqiy asarida saqlangan Beruniy ma’lumotlari asosida siyosiy va diplomatik jarayonlarning bevosita ishtirokchisi bergan guvohliklardan foydalanish imkoniyatlari ochib beriladi. Abul Qosim Unsuriy she’riyatining tanqidiy tahlili orqali uning harbiy taktika, Hazorasp jangi topografiyasi va istilo arafasidagi Xorazmning xo‘jalik holatini o‘rganishdagi manbaviy ahamiyati aniqlanadi.

Tayanch so‘zlar: Ma’muniylar davlati, Xorazm, Gurganj, G‘aznaviylar, manbalar verifikatsiyasi, numizmatika, Ma’mun II.

Allaberdiyeva Lale Agageldiyevna
Lecturer, Researcher
Department of History of Turkmenistan and Methods of Teaching History,
Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute;
Khydyr Deryayev Pedagogical School.
e-mail: hdmmylym@gmail.com
(Turkmenistan, Mary)

CHARACTERISTICS AND VERIFICATION OF SOURCES ON THE POLITICAL HISTORY OF THE MAMUNID STATE IN KHWARAZM

Abstract. Written, numismatic and poetic sources provide valuable evidence concerning the political history and external relations of the Maʾmunid state in Khwarazm between 995 and 1017. Comparing these sources helps clarify the nature of the Khwarazmshahs’ authority, their relations with the Ghaznavids and the circumstances of the conquest of Khwarazm in 1017. However, the ideological orientation of Ghaznavid chronicles and the reliance of later compilations on earlier narrative traditions complicate an objective assessment of the Maʾmunids’ political status. Accordingly, this article examines the content, authorial perspectives and reliability of the accounts of al-Utbi, Gardizi, Bayhaqi, Ibn al-Athir and al-Nuwayri. By comparing accounts of caliphal investiture with the inscriptions on Maʾmun II’s silver dirhams minted in 1014, it assesses the validity of the claim that Gurganj was a vassal of Mahmud of Ghazni. Drawing on al-Biruni’s accounts preserved in Bayhaqi’s work, it explores the potential of testimony provided by a direct participant in political and diplomatic affairs. Through a critical analysis of Abu al-Qasim Unsuri’s poetry, it evaluates its value as historical evidence for military tactics, the topography of the Battle of Hazarasp and Khwarazm’s economic conditions on the eve of the conquest.

Keywords: Maʾmunid state, Khwarazm, Gurganj, Ghaznavids, source verification, numismatics, Maʾmun II.